

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ  
СЕТЕЙ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ (НА ПРИМЕРЕ НКО)<sup>1</sup>**

*Мирошниченко Инна Валерьевна*, кандидат политических наук, доцент

Кубанский государственный университет  
350040, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149  
E-mail: mirinna78@mail.ru

*Гнедаш Анна Александровна*, кандидат политических наук, доцент

Кубанский государственный университет  
350040, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149  
E-mail: anna\_gnedash@inbox.ru

*Мордасова Татьяна Александровна*, кандидат философских наук, доцент

Астраханский государственный университет  
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а  
E-mail: iset2006@mail.ru

В статье рассматриваются этапы политической институционализации социальных сетей в регионах России. На примерах конкретных НКО Краснодарского края и Астраханской области описывается, каким образом институционализация социальных сетей, связанная с конвертацией социальных ресурсов в политический капитал, задает направленность институционального развития территории и региональной публичной политики.

**Ключевые слова:** социальные сети, публичная политика, политическая институционализация, российские регионы, социальный капитал, конститутирование сетевых сообществ

**POLITICAL INSTITUTIONALIZATION OF SOCIAL NETWORKS  
IN RUSSIAN REGION (BY THE EXAMPLE OF NGO)**

*Miroshnichenko Inna V.*, Ph.D. (Political Science), Associate Professor

Kuban State University  
149 Stavropolskaya st., Krasnodar, 350040, Russian Federation  
E-mail: mirinna78@mail.ru

*Gnedash Anna A.*, Ph.D. (Political Science), Associate Professor

Kuban State University  
149 Stavropolskaya st., Krasnodar, 350040, Russian Federation  
E-mail: anna\_gnedash@inbox.ru

*Mordasova Tatyana A.*, Ph.D. (Philosophy), Associate Professor

Astrakhan State University  
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation  
E-mail: iset2006@mail.ru

The article examines the stages of political institutionalization of social networks in the regions of Russia. On examples of specific NGOs of Krasnodarskyi krai and Astrakhan region describes how

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта №11-03-005519а «Конструктивный потенциал социальных сетей в сфере публичной политики в условиях модернизации современного российского общества» (2011–2013),

the institutionalization of social networks associated with the conversion of social resources into political capital, sets the direction of the institutional development of the territory and regional public policy.

**Keywords:** social networks, public policy, political institutionalization, the Russian regions, social capital, the constitution of network communities

Интерес к рассмотрению сетевого сообщества как актора производства публичной политики определяется прежде всего особенностями его ресурсного потенциала, принципиально отличающегося от потенциала других структур гражданского общества. Речь идет о том, что сетевые сообщества представляют собой сложные структуры взаимоотношений и взаимной зависимости, которые возникают на различных основаниях (землячество, этические ценности, дружба, сходство социального положения и т.д.). Это обеспечивает дополнительные возможности для самоорганизации, поскольку в отличие от формализованных общественных структур, они легко варьируют свои связи в зависимости от меняющейся ситуации и формируют «организации без границ». Как дополнительное пространство для объединения людей по интересам на основе их взаимодействия при обсуждении и преобразовании значимой информации, социальные сети одновременно становятся площадкой для отстаивания гражданами своих прав и свобод. Сетевая коммуникация позволяет общаться с целевой аудиторией, которая вообще не позиционирует себя в политическом пространстве, но при этом является не только частью электората, но и обращается к темам, которые подразумевают наличие гражданской позиции или проявление гражданской активности. Неслучайно в отличие от государства гражданское общество более эффективно реализует свои идеи и принципы посредством сетевой формы политической коммуникации. Как следствие, возникает широкий круг дискуссионных вопросов, связанных с неоднозначностью оценок содержания и сущности сетевой публичной политики; особенностей сетевых структур, процессов и технологий, определяющих новый формат социальности; эффектов сетевизации, влияющих на формирование общественного запроса на сетевые практики прямого гражданского участия в решении публичных проблем. политическая субъектность социальных сетей предопределяет ряд факторов, наиболее значимыми из которых являются отсутствие стратегической самостоятельности большинства политических акторов, институциональная слабость гражданского общества, ограниченность информационно-дискурсивного публичного пространства. Реальное пространство социокультурной среды и среда реальной виртуальности онлайн-пространства создают условия для разнообразных практик сетевой гражданской солидарности и самоорганизации, последующей конвертации сетевых ресурсов в политический капитал. Предметное поле российской сетевой публичной политики только формируется, поэтому актуальной становится проблема проведения этих исследований с учетом истории, традиций и региональной составляющей, что представляет интерес для понимания потенциала и социальных рисков политической институционализации социальных сетей. Действительно, специфика институциональной среды регионов и различия в эффективности сетевого взаимодействия дают основание для вывода о том, что механизмы и технологии этого процесса не могут быть унифицированы и, соответственно, результативность их применения на той или иной территории, не гарантирует действенность в других условиях.

Для анализа включенности социальных сетей в публичную политику выбраны два региона: Краснодарский край и Астраханская область. Их выбор обоснован, во-первых, рядом общих характеристик (пограничный геополитический статус, развитую систему взаимодействия с приграничными территориями, диверсифицированный характер региональной экономики и значительную роль в ней коммуникаций, выраженные интересы топливно-энергетического и туристического комплекса, полиэтничный и поликонфессиональный состав населения, выраженность региональной и локальной идентичности, высокую плотность межличностных связей). Во-вторых,

существенными отличиями регионов (социокультурная гетерогенность выражена больше в Астраханской области, где значительней роль политической оппозиции, в то же время Краснодарский край демонстрирует большую динамику в области инновационного развития территории, привлечения инвестиций, внедрения принципов социально ориентированного территориального маркетинга). Используя технику бинарного сравнения, основанного на методах кейс-стади, глубинном интервью, интерактивном качественном анализе электронных ресурсов, представляется возможным выявить закономерности развития социальных сетей в обоих регионах, и проанализировать различия в стратегии и механизмах политической институционализации социальных сетей. Кроме того, многие кейсы географически выходят за рамки региональных сетевых пространств публичной политики. Репрезентация типичности или уникальности сетевого взаимодействия, демонстрируемая в них, ориентирует на использование кросс-регионального сравнения в общероссийском контексте.

Существенное разнообразие сетевого ландшафта российской публичной политики определяется, по меньшей мере, тремя составляющими:

- характером связей внутри социальных сетей (сильные или слабые);
- типом взаимодействия (открытые или закрытые);
- ресурсной базой (социальный капитал частного блага или связывающего социального капитала).

Соответственно существенно различаются формы политической субъектности социальных сетей и способы их политической институционализации. Вхождение в политику начинается через индивидуализацию акторами сетей поддержки политической повседневности. На этом первом (латентном) этапе содержанием политической повседневности служит набор ситуативных социальных ролей, представленный определенными поведенческими стандартами, которые сформировались в социальной сети. Используя возможности сетевых ресурсов для собственных целей, индивидуальные акторы не акцентируют внимание на том, что фактически обращаются к гражданским функциям. Однако они отчетливо фиксируют оценочные позитивные или негативные ориентации к существующим формальным институтам, что в дальнейшем влияет на характер актуализации практик сетевой самоорганизации. Поведенческие стандарты фиксируют результаты интервью с участниками различных социальных сетей: *«Я была еще маленькая, когда у моего папы случились проблемы с бизнесом. И если бы в тот момент мой дядя нам не помог и денежно, и своими связями в администрации, нас бы просто разорили. С тех пор папа говорит, что он в неоценимом долгу перед братом. Но, мне кажется, это лишнее. Папа поступил бы точно так же»* (женщина, 23 года, Сочи). Интервью с представителями астраханской социальной сети молодых мам «Мобильная мама» ([www.товтама.ru](http://www.товтама.ru)) также подтверждают, что взаимная помощь в решении вопросов, осуществляется в режиме межличностного взаимодействия (обмен значимой информацией о воспитании детей; соблюдении законодательных норм в отношении женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком; обеспечении для них и детей качественного медицинского обслуживания и т.д.). *«Я пришла с малышом к врачу, моему сыну 2.5 года. Врач выписала рецепт и сказала, что необходимо купить эти лекарства. Девочки в сети уже обсуждали эту тему и предупреждали мамочек, что до 3 лет ряд лекарств ребенку предоставляется бесплатно. Врачи не хотят это афишировать, а я уже об этом знала, и нам их вынуждены были дать бесплатно»* (женщина, 24 года, г. Астрахань). Такие поведенческие стандарты являются необходимым условием для дальнейшей политической социализации участников сети. На этом втором этапе включенности индивидуальных сетевых акторов в политику принципиальное значение имеет их позиционирование по отношению к другим сообществам. На данном этапе сети поддержки, формируя общие социокультурные нормы и процедурные правила доступа к сетевым ресурсам для индивидуальных сетевых акторов и порядок сетевого взаимодействия, преобразуются в сетевые сообщества. Существенную роль в данном процессе играет социокультурная среда (посе-

ленческая общность, этническая община, профессиональный круг общения и т.д.), в которой возникают сетевые сообщества. В результате появляются сети поддержки, образуемые близким семейным или дружеским окружением человека, в зависимости от характера связей, которые являются типичными для регионов. Специфика подобного субкультурного позиционирования сетевых сообществ заключается в высоком уровне социальной солидарности и качестве социального капитала, поскольку связи между людьми формируются на основе доверия [10, 11]. Это подтверждают опросы Фонда общественного мнения. В результате родственных связей была получена помощь 79,7 % респондентов, 68% получили ее благодаря дружественным связям [2]. Определяющими механизмами позиционирования сетевых сообществ становятся индентичность/идентификация, социализация и интериоризация. [3]. В итоге формируются модели индивидуального и группового поведения, которые определяют не только социальное позиционирование индивида, но и особенности политических институтов и структур гражданского общества, механизмы представительства интересов и характер политического участия.

Важно отметить, что данный механизм социальной идентификации традиционно воспринимался властными структурами и институтами гражданского общества вне политического контекста, прежде всего как социальный опыт консолидации инициативных групп населения с целью выражения коллективных требований, направленных на привлечение внимания к собственным проблемам. У государства сетевая самоорганизация граждан не вызвала особого интереса, поскольку, оставляя за собой право на монополию при выборе участников социального партнерства, оно ориентировалось прежде всего на наиболее развитые сегменты гражданского общества. Для политических партий - это своего рода ресурс выживания определенных групп населения, неформальная и спонтанно возникающая последовательность действий граждан, которые в дальнейшем должны быть скоординированы для реализации общих целей, не связанных с достижением политической власти. Некоммерческие общественные организации воспринимают подобные формы политического участия как имитационные, поскольку ценности сетевой самоорганизации часто противоречат ценностям законности, и гражданская активность мотивирована не отстаиванием законных прав, а отстаиванием справедливости, как правило, в виде «протестных» или «поддерживающих» акций. Соответственно так же, как и власть, названные институты гражданского общества не оценивали позиционирование социальных сетей как фактор современной российской публичной политики. Однако именно на этом этапе формируется определенный тип социальной поведенческой стратегии сетевых сообществ, и они становятся потенциальными субъектами публичной политики за счет главного ресурса - социального капитала. Их способность к политическим действиям ограничена, во-первых, отсутствием мобилизационного потенциала или внешних оснований (условий, обстоятельств). Во-вторых, выбранной поведенческой стратегией. Закрытые стратегии, способствующие производству социального капитала частного блага, характерны для индивидуальных акторов сетевых сообществ, основанных на сильных интенсивных связях и эффективном контроле поведения всех членов сети. Это способствует конституированию сетевого сообщества как субэлитной/элитной общности, или сетевого анклавного образования, стремящегося выжить или сохранить себя в определенных социально-политических условиях, ориентированные на открытую поведенческую стратегию, вырабатывают общие правила для всех участников публичного пространства и решают общественно значимые проблемы. В основе их деятельности деперсонифицированное доверие, и, как следствие, возможность конвертации сетевых ресурсов в различные формы политического капитала. Способность представителей социальных сетей, взаимодействующих на основе межличностного доверия и разделяемых всеми участниками норм и ценностей, к мобилизации коллективных действий и участию в этих действиях происходит на третьем этапе, этапе политической институ-

ционализации. Политическая институционализация характеризует становление сетевых сообществ в качестве действующего актора публичной политики, практически использующего свои ресурсы в целях влияния на принятие публичных решений. Политическая институционализация представляет собой длительный и сложный процесс, который зависит от многих внутренних и внешних для группы причин. К внутренним причинам можно отнести: сплоченность сетевого сообщества и возможности его мобилизации; способность его членов к самоорганизации; наличие в ней лидеров, способных объединить группу для решения определенных задач; наличие у группы многих нерешенных проблем; преобразование исходящих от принадлежащих к группе граждан социальных эмоций и ожиданий в четкие и определенные политические цели и требования (процесс артикуляции). К внешним причинам, оказывающим влияние на процесс становления сетевых сообществ как актора публичной политики, относятся: угрозы существования данного сообщества; политический кризис, который обостряет нерешенные проблемы в социуме; активность других (конкурентных, оппозиционных) социальных групп; избирательный процесс в государстве, регионе; международная обстановка и т.д.

П.Бурдые рассматривает три состояния политического капитала: инкорпорированная форма политического капитала, как совокупность относительно устойчиво воспроизводимых диспозиций (правила, из которых вытекают права, обязанности и ответственность участников), способностей участников социальной сети к репрезентации интересов и мобилизации коллективных действий, в том числе используя имиджевые и символические ресурсы сети; объективированная форма, означающая принятие политическим капиталом овеществленных форм, которые доступны участникам сети в предметной форме (организационные, материальные, финансовые ресурсы, информационные ресурсы, находящиеся в распоряжении); институционализированная форма политического капитала, предполагающая объективированные формы признания данного вида политического капитала (структуры лидерства, элиты и другие элементы политической стратификационной системы). Инкорпорированная, объективированная и институционализированная формы политического капитала отражаются в формальных и неформальных практиках в публичной политике, которые освоены участниками и структурами социальными сетями [6]. Исследования формальных и неформальных политических практик сетевой активности в публичной политике Краснодарского края и Астраханской области позволили представить типологию структуры социального капитала и процессы его конвертируемости в различные формы политического капитала. Развитие социальных сетей в обоих регионах находится под влиянием не только факторов глобального уровня (информатизация общества, плюрализация общественных структур, падение авторитета традиционных политических институтов), но и характеристик современного российского общества (институциональный и нормативный вакуум, высокие риски входа на экономический и политический рынок). Диалектику общего и особенного в понимании факторов распространения сетевых эффектов дополняют специфические условия исторического развития территорий и реальное состояние их социально-политического ландшафта. Речь идет о феномене «консервативного Юга», для которого типично широкое распространение патрон-клиентарных связей, высокая предпринимательская активность населения, полиэтничный состав, притягательность для миграции в политическую институционализацию социальных сетей в Краснодарском крае и Астраханской области интерес представляют сетевые сообществ открытых поведенческих стратегий, именно они задают направленность институционального развития территории и региональной публичной политики [5]. Однако следует подчеркнуть, что политическая институционализация представляет собой длительный и сложный процесс, который зависит от многих внутренних и внешних для группы причин. К внутренним причинам можно отнести: сплоченность сетевого сообщества и возможности его мобилизации; способность его членов к самоорганиза-

ции; наличие в ней лидеров, способных объединить группу для решения определенных задач; наличие у группы многих нерешенных проблем; преобразование исходящих от принадлежащих к группе граждан социальных эмоций и ожиданий в четкие и определенные политические цели и требования (процесс артикуляции). К внешним причинам, оказывающим влияние на процесс становления сетевых сообществ как актора публичной политики, относятся: угрозы существования данного сообщества; политический кризис, который обостряет нерешенные проблемы в социуме; активность других (конкурентных, оппозиционных) социальных групп; избирательный процесс в государстве, регионе; международная обстановка и т.д.

Самым распространенным политическим капиталом исследованных социальных сетей является институционализированный. Он позволяет с помощью собственных лидерских структур артикулировать, агрегировать и позиционировать собственные интересы в сфере публичной политики, что автоматически становится основой дальнейшего развития сетей.

Позитивные эффекты институционализированного политического капитала в Краснодарском крае демонстрирует проблемная сеть «Реконструкция центра Краснодара», заложившая механизмы для конструктивного сетевого межсекторного сотрудничества. В 2005 г. администрацией города было принято стратегическое решение о реконструкции центральной части Краснодара, включавшей 274 квартала с населением около 250 тыс. чел. Сформировалась проблемная сеть со всеми видовыми признаками: конфликтность, подвижность, асимметрия ресурсов, консультации как основа отношений, существование барьера компетентности, большое количество участников с ограниченной степенью взаимозависимости. Её участниками стали население, администрация города, крупнейшие инвесторы. Интересы населения состояли в улучшении жилищных условий, соблюдении прав собственников и максимальной информационной открытости проекта, получении нового жилья в центральной части города. Интересы администрации муниципального образования – реконструкция центральной части, развитие инфраструктуры, увеличение объемов вводимого жилья, строительство нового жилого района для отселяемых из ветхого фонда, изменение имиджа города. Интересы инвесторов – обеспечение стабильности бизнеса и его развития, получение новых площадок под застройку, рост спроса на жилье. Каждый из участников имеет еще и латентные интересы, например, отселяемые граждане стремятся получить максимальную компенсацию за ветхое жилье, а администрация – повлиять на свой рейтинг с помощью целевой программы «Краснодару – столичный облик». Поскольку ни один из участников не может реализовать свои интересы без одобрения/согласия остальных, совместными действиями были предприняты меры, повышающие прозрачность проекта и создающие основу для постоянных консультаций. Для этого была создана инициативная группа «Прожектор реконструкции», которая постоянно проводила информационный мониторинг и выявляла «черные дыры» в реализации проекта реконструкции;

– администрация инициировала проведение публичных слушаний, открыла специальное подразделение в структуре аппарата администрации МО г. Краснодар по взаимодействию с заинтересованной общественностью; регулярно проводила для граждан горячие линии с первыми лицами города;

– инвесторы открыли общественные приемные в своих корпорациях; организовывали публичные встречи с гражданами в кварталах, отнесенных к зоне реконструкции; вели активную PR-кампанию проекта в региональных и местных печатных СМИ, посредством социальной рекламы (листовки, буклеты и баннеры для населения).

Наиболее активно участники проблемной сети проявляли себя в самом начале ее существования, когда региональные и местные власти заявили о масштабных и оперативных сносах жилья. Затем очевидная активность сети начала падать, хотя план реконструкции города одобрен на публичных слушаниях и принят городскими вла-

стями. Очевидно, некоммерческие организации и жители Краснодара еще заявят о своих интересах в тот момент, когда начнется активный снос жилья (первая очередь – к 2015 г., вторая очередь – к 2025 г.).

В Астраханской области позитивные эффекты институционализированного политического капитала можно представить на примере родительской сети по поддержке детей-инвалидов. Родительская сеть была создана в г. Астрахани в 1990 г. из семи женщин, имеющих детей-инвалидов с заболеванием ДЦП. В течение года сеть функционировала для обмена информацией (о технологиях лечения и реабилитации, возможностях качественного обучения, получения социальной помощи и т.д.) и эмоциональными ресурсами (эмоциональной поддержкой, чувством сопричастности и т.д.). В январе 1991 г. сеть институционализировалась в Астраханскую региональную общественную организацию по оказанию помощи детям-инвалидам и их семьям. Первоначально организаторы поставили перед собой следующие задачи: представлять и защищать права и интересы детей-инвалидов, реализовывать в жизнь установленные для них действующим законодательством льготы и преимущества, решать их социально-бытовые вопросы. В процессе своей деятельности лидеры родительской сети смогли не только конструктивно выстроить свои отношения с региональными и местными органами власти, но и привлечь ресурсы других сетевых структур и некоммерческих организаций. Деятельность организации поддерживают Министерство социального развития и труда Астраханской области, Центр занятости населения г. Астрахани. *«Мы никогда не шли кричалкой... а шли и конструктивно разрабатывали с властью наши предложения...»* (женщина, 45 лет, г. Астрахань). Так, например, был создан многофункциональный социально-реабилитационный центр «Русь» санаторного типа с отделением для молодых инвалидов, где апробируются инновационные методики по реабилитации детей-инвалидов. Организация максимально использует ресурсы других сетевых структур: *«Примерно 10% родителей в нашей сети – успешные предприниматели. Им не нужна материальная поддержка, но для них важно, чтобы их дети были востребованы обществом, задействованы в различных мероприятиях... Для этого они мобилизуют ресурсы предпринимательских сетей, нам помогает региональное отделение “ОПОРА России”, “ЭкспрессВолга-Банк” и т.д.»* (женщина, 36 лет, г. Астрахань). Астраханская региональная общественная организация по оказанию помощи детям-инвалидам и их семьям встроена с сетевое сотрудничество практически со всеми организациями некоммерческого сектора Астраханской области для решения заявленных ими задач. Организацией проводится большая благотворительная работа: создаются группы волонтеров по работе с детьми, проводятся культурно-массовые и спортивные мероприятия, организуются учебные и ознакомительные мероприятия как для детей, так и для родителей. Способность формального лидера и неформального лидерского окружения репрезентовать интересы родительской сети и мобилизовать ее участников на коллективные действия привели к существенным изменениям в реализации социальной политики Астраханской области: создана региональная система поддержки инвалидов, внедрены образовательные и реабилитационные программы для людей с ограниченными возможностями. За 11 лет председательства лидера организации Н.В. Костюченко сеть увеличилась с 42 до 1070 семей, имеющих детей-инвалидов. За этот период разработано и реализовано 9 региональных программ, помогающих детям-инвалидам и их семьям. Данные кейсы демонстрируют примеры конвертирования сетевых ресурсов в разовые или институционализированные формы политического капитала, эффективность публичных практик акторов сетей. Используемые механизмы конвертации социальных ресурсов основаны на партисипационной форме, для которой характерно формальное представительство коллективных интересов во взаимодействии с органами власти, общественными и политическими структурами на основе общности целевых функций акторов сетей.

Партиципационная форма политической институционализации сетевых сообществ в сфере публичной политики может проявляться на уровне мобилизационной и формальной институционализации. На уровне мобилизации сетевые сообщества демонстрируют в определенных обстоятельствах или под внешним воздействием другого субъекта политики (реактивная политизация) ситуативные действия для защиты собственных интересов. Уровень формальной институционализации может характеризоваться либо формированием особых институтов и механизмов, выражающих интересы сетевых сообществ, либо их постоянной активностью в сфере политики (постоянная политизация).

Примером партиципационной политической институционализации (реактивной политизации) сетевых сообществ являются массовые кампании, организованные на сетевых принципах и направленные на выработку конкретных решений. Так, период сетевой мобилизации жителей микрорайона г. Краснодара в 2006–2009 гг. был связан с конфликтным противостоянием граждан и тандема местных органов власти и строительных инвесторов (ООО СИК «Девелопмент-Юг» и ООО «Агро-Строй-Монтаж»), которые заключили инвестиционный договор о строительстве жилого комплекса на земельном участке в экологически охраняемой зоне (парка) местного значения [1]. Благодаря протестным действиям и обращениям граждан к депутатам городской думы муниципального образования был проведен ряд общественных слушаний [7] по сохранению зеленой зоны Березовой рощи и пресечению незаконного строительства. По итогам общественных слушаний были внесены изменения в Правила землепользования и застройки, согласно которым вся территория Березовой рощи микрорайона Гидростроителей г. Краснодара стала относиться к землям общего пользования – рекреационной зоне [8].

Мобилизационные практики политической институционализации сетевой общественности начинают активно проявляться с середины 2000-х годов. Мобилизация обладает конструктивным потенциалом, поскольку возможна только на сосредоточенности граждан на некоей проблеме и экспертном знании ее решения. В итоге на основе сетевых инноваций достигается социально значимый результат [9]. В большинстве региональных случаев сетевая мобилизация начинается с появления коллективного субъекта малого радиуса действия. После решения проблемы происходит его трансформация в первоначальные сети поддержки. Уровень формальной институционализации сетевая общественность достигает при условии формирования устойчивого политического актора, деятельность которого связана с общественно значимым гражданским действием.

В качестве примера мобилизационной сетевой политической институционализации можно рассмотреть деятельность «Комитета солдатских матерей» Астраханской области. История его создания началась 2 декабря 1994 года стихийно, когда против войны в Чечне объединились 12 человек. *«Наша деятельность начиналась, ох, как не просто. Мы делали ошибки, набивали шишки, наталкивались на стену непонимания и откровенного равнодушия, мы умножали количество врагов. Благодаря поддержке практически всех астраханцев, комитет смог помочь сотням матерей военнослужащих, нуждающихся в самой различной помощи. Сколько матерей поняли, что они не одиноки в решении вопросов, встающих на жизненном пути их сыновей, отдающих долг служения Отечеству, и надо было видеть их счастливые лица, когда были достигнуты положительные результаты. Наши лучшие проекты «Святое дело Родине служить», «К призыву готов?», «Ваше право быть патриотом», «Лица Победы», «Мы помним», «Вахта памяти», «Молодежное лидерство» внесли свой вклад в патриотическое воспитание молодежи. За эти годы мы работали по 11000 заявлений граждан, примерно столько же обращений по «Горячей линии» - консультации по телефону. Сейчас у комитета сложились товарищеские, можно сказать, доверительные отношения с командованием многих военных частей. Огромное спасибо от всех астраханцев, которые обратились к нам за помощью и получили ее благодаря отзывчивым сердцам земляков. Огромное спасибо всем, потому*



*что это вы сделали наш комитет успешным и счастливым, а главное – нужным людям!»* (женщина, 54 года, Астрахань).

В качестве примера формальной политической институционализации сетевых сообществ, которые не были связаны с мобилизацией сетевой общественности, можно привести институционализированные практики этнических сообществ. Поводом к созданию институционализированной сети грузин, проживающих на территории Краснодарского края, стало неустойчивое и неопределенное положение вынужденных мигрантов из Абхазии. Сегодня этническое сообщество грузин г. Сочи объединяет бывших жителей Грузии, покинувших территорию Абхазии в период боевых действий (август 1991 – сентябрь 1993 г.). Лидеры Культурного центра «Иверия» г. Сочи оценивают численность грузинских беженцев осени 1992 г. в 25 тыс. чел. и беженцев более позднего периода – в 5 тыс. чел. Подавляющее большинство вынужденных мигрантов из Абхазии расселились в пределах Большого Сочи. Административная граница между РСФСР и Абхазской АССР была условной: многие жители Сочи работали в Гантиади или Гаграх и наоборот [4]. У многих грузин были родственники и знакомые в Сочи. Закономерно, что вынужденные мигранты из Абхазии, надеясь в ближайшее время вернуться на родину, стали расселяться неподалеку от границы, там, где у них были родственники или друзья. Институционализированная этническая сеть грузин, проживающих на территории Краснодарского края, в частности в городе Сочи, представляет собой совокупность различных общественных организаций, осуществляющих социально-экономическую помощь представителями данной этнической группы, а также содействующих восстановлению и развитию их национального языка и культуры. Среди этих организаций можно назвать следующие: Кавказское культурно-экономическое содружество города Краснодара, Грузинское культурно-просветительское общество «Сакартвело», Культурный центр «Иверия» (г. Сочи). В целом данная этническая сеть является частью более глобальной сети подобных организаций, функционирующих на всей территории России, таких как Союз грузин в России (Москва), общество «Грузины в России» (Москва), Центр национальных культур (Краснодарский край) и т.д. Результаты эмпирического исследования, деятельность институционализированных сетевых сообществ основывается на сочетании открытых и закрытых поведенческих стратегий. Лидеры этнических общественных организаций являются для членов сетевых сообществ неформальными каналами коммуникаций с представителями региональных и муниципальных органов власти, благодаря которым обеспечивается решение многих частных вопросов, связанных с распределением ресурсов и лоббированием экономических интересов.

Позитивные эффекты институционализированного политического капитала демонстрирует социальная сеть охотников в Астраханской области. Интересно, критерием вхождения в социальную сеть является не столько увлечение охотой, сколько диспозиции ее акторов во властных структурах. Сеть объединяет ресурсные диспозиции ее членов в политико-административных, судебных, силовых, экспертно-академических структурах региона и присоединяющихся к ним время от времени федералов. В сети охотников действует жесткий этический кодекс неформальных норм и правил с ограничениями на вход. Новички, желающие вступить в сообщество охотников, должны пройти ряд испытаний, прежде чем им будут открыты каналы коммуникации и обеспечен доступ к ресурсам сети. Высказывание участника сети ярко характеризует систему сетевых отношений и характер коммуникации: *«В Астрахани каждый может быть рыболовом, но не каждый рыболов может стать охотником»* (мужчина 47 лет, Астрахань). Выезды на охоту воспринимаются ими как возможность в неформальной обстановке «пособствовать решению важных вопросов».

Подобные точки доступа к системе публичного управления выступают своеобразной площадкой для неформальных коммуникаций и согласований интересов как акторов латентных сетевых структур, так и публичных акторов, и способствуют

складыванию системы гражданского партнерства. При этом под определение сетевой публичной политики попадают только те практики, которые оказывают реальное влияние на формирование структурных и процессуальных компонентов различных измерений региональной публичной политики. Соответственно в контексте незавершенного проекта нелинейного развития сетевой публичной политики особого внимания заслуживает анализ целевого характера гражданской самоорганизации. Речь идет о двух его составляющих: реалистичности, то есть способности участников социальной сети продемонстрировать потенциальные ресурсы для достижения заявленного результата; и критериях его достижимости, то есть внешних признаках, по которым можно установить, что инициатива будет успешна. Акцентирование внимания на раскрывающем характере практик сетевой самоорганизации позволяет проследить, как активность участников социальных сетей может видоизменить приоритеты в продвижении общезначимых ценностей при обсуждении общественных и политических проблем. Вхождение социальных сетей в публичную политику и формирование сетевых сообществ в качестве политического актора создают условия для реальной политической конкуренции, постепенно ограничивая влияние на процесс разработки и принятия политических решений лояльных и подконтрольных власти общественных институтов. Естественно, существуют риски эскалации социальных сетей, но в целом они способствуют расширению диалога власти и общества, изменяют соотношение ресурсов политических акторов, обладающих конструктивным потенциалом для разворачивания субъектности в публичной политике.

#### Список литературы

1. В Краснодаре пройдут повторные слушания по строительству комплекса «Березовая роща». URL: <http://www.yuga.ru/news/84372/>
2. Градосельская Г.В., Петренко Е.С. Российское гражданское общество: реконструкция по результатам крупномасштабных опросов // Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры / отв. ред. Е.С. Петренко. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. С. 69–73.
3. Журавлева В.Ю. Эволюция гражданской идентичности россиян в 20–е–90–е гг. XX в.: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2003.
4. Информация о регистрации и обустройстве вынужденных переселенцев из Абхазии, прибывших на территорию Краснодарского края. Письмо руководителя Миграционной службы Краснодарского края В.В. Острожного №3/15 от 8.01.98; ответ на обращение депутата Государственной Думы РФ В.В. Игрунова № 317-2319 от 25.11.97.
5. Курбатова М.В., Левин С.Н., Каган Е.С. Структура социального капитала как фактор институционального развития региона // Общественные науки и современность. 2010. № 6. С. 37–51.
6. Морозова Е.В., Мирошниченко И.В. Инвесторы политического капитала: социальные сети в политическом пространстве региона // Полис. 2009. № 2. С. 69.
7. Решение Краснодарской городской думы от 23 марта 2006 г. № 8, п.10 «О назначении публичных слушаний по вопросу «О строительстве по ул. В. Мачуги жилого комплекса «Березовая роща» с размещением в нем поликлиники и других помещений, необходимых для более комфортного проживания граждан». URL: <http://law7.ru/base56/part3/d56ru3902.htm>
8. Спасли зеленый уголок // Специальный выпуск «Краснодарских известий». 2011. 29 сент. URL: [http://secial.krd.ru/gorodskaya\\_duma/deputatskij\\_korpus/deputaty/kopachev/rabota/spasli/](http://secial.krd.ru/gorodskaya_duma/deputatskij_korpus/deputaty/kopachev/rabota/spasli/)
9. Яницкий О.Н. Массовая мобилизация: проблемы теории // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 9.
10. Kennedy B., Kawachi I., Brainerd E. The Role of Social Capital in the Russian Mortality Crisis // World Development. 1998. № 26.
11. Petro N.N. 2001. Creating Social Capital in Russia: The Novgorod Model // World Development. 2001. № 29.

#### References

1. Krasnodare projdut povtornye slushanija po stroitel'stvu kompleksa «Berezovaja roshha». URL: <http://www.yuga.ru/news/84372/>
2. Gradospel'skaja G.V., Petrenko E.S. Rossijskoe grazhdanskoe obshhestvo: rekonstrukcija po rezul'tatam krupnomasshtabnyh oprosov // Grazhdanskoe obshhestvo sovremennoj Rossii. Soci-

ologicheskie zarisovki s natury / otv. red. E.S. Petrenko. M.: Institut Fonda «Obshhestvennoe mnenie», 2008. S. 69–73.

3. Zhuravleva V.Ju. Jevoljucija grazhdanskoj identichnosti rossijan v 20-e–90-e gg. XX v.: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. M., 2003.

4. Informacija o registracii i obustrojstve vyzhdenykh pereselencev iz Abhazii, pribyvshih na territoriju Krasnodarskogo kraja. Pis'mo rukovoditelja Migracionnoj sluzhby Krasnodarskogo kraja V.V. Ostroznogo №3/15 ot 8.01.98; otvet na obrashhenie deputata Gosudarstvennoj Dumy RF V.V. Igrunova № 317-2319 ot 25.11.97.

5. Kurbatova M.V., Levin S.N., Kagan E.S. Struktura social'nogo kapitala kak faktor institucional'nogo razvitija regiona // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2010. № 6. S. 37–51.

6. Morozova E.V., Miroshnichenko I.V. Investory politicheskogo kapitala: social'nye seti v politicheskom prostranstve regiona // Polis. 2009. № 2. S. 69.

7. Reshenie Krasnodarskoj gorodskoj dumy ot 23 marta 2006 g. № 8, p.10 «O naznachenii publicnykh slushanij po voprosu «O stroitel'stve po ul. V. Machugi zhilogo kompleksa «Berezovaja roshha» s razmeshheniem v nem polikliniki i drugih pomeshhenij, neobhodimyh dlja bolee komfortnogo prozhivanija grazhdan». URL: <http://law7.ru/base56/part3/d56ru3902.htm>

8. Spasli zelenyj ugolok // Special'nyj vypusk «Krasnodarskih izvestij». 2011. 29 sent. URL: [http://secial.krd.ru/gorodskaya\\_duma/deputatskij\\_korpus/deputaty/kopachev/rabota/spasli/](http://secial.krd.ru/gorodskaya_duma/deputatskij_korpus/deputaty/kopachev/rabota/spasli/)

9. Janickij O.N. Massovaja mobilizacija: problemy teorii // Sociologicheskie issledovanija. 2012. № 6. S. 9. Kennedy B., Kawachi I., Brainerd E. The Role of Social Capital in the Russian Mortality Crisis // World Development. 1998. № 26.

10. Kennedy B., Kawachi I., Brainerd E. The Role of Social Capital in the Russian Mortality Crisis // World Development. 1998. № 26.

11. Petro N.N. 2001. Creating Social Capital in Russia: The Novgorod Model // World Development. 2001. № 29.

## **НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ**

*Монин Вадим Владимирович*, кандидат исторических наук, доцент

Астраханский государственный университет

414041, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. 11 Красной Армии, 1

E-mail: [vadimmoni@mail.ru](mailto:vadimmoni@mail.ru)

Статья посвящена 25-летию юбилею воссоздания местного самоуправления в современной России. В ней изложена гипотеза будущего исследования состояния местного самоуправления, даны основные показатели, по которым предполагается проведение исследовательской работы. Такими показателями являются: состояние правовой системы, регулирующей местное самоуправление; экономическое положение муниципальных образований; отношение граждан и правящей элиты к местному самоуправлению. Анализ проводится за период с 1989 по 2013 год. Даны предполагаемые выводы.

**Ключевые слова:** местное самоуправление, граждане, правящая элита, муниципальные образования, доходная база муниципалитетов, бюджетная обеспеченность, местные выборы

## **SOME RESULTS OF LOCAL GOVERNMENT DEVELOPMENTS IN RUSSIA**

*Monin Vadim V.*, Ph.D. (History), Associate Professor

Astrakhan State University.

1/11th Krasnoy Armii st., Astrakhan, 414041, Russian Federation

E-mail: [vadimmoni@mail.ru](mailto:vadimmoni@mail.ru)

The article is devoted to the 25th anniversary of re-creation of local self-governance in modern Russia. It sets out the hypothesis for future research on the status of local government, providing the key indicators which may enable the research work. Such parameters include the shape of the legal system regulating the local government, the economic situation of municipalities, the attitude